

Н.М. ДАВЫДОВА

Индивидуальная ситуация на рынке труда и стратегия занятости

На современном этапе развития российской экономики неизбежно возникает реальная угроза того, что отдельные, а возможно, и значительные группы населения - заметим, экономически активного населения - окажутся в кризисном положении с точки зрения стабильной занятости. В этой связи особую актуальность приобретает изучение способов и механизмов адаптации людей, среди которых окажутся потерявшие работу и те, чья занятость носит частичный или нестабильный характер, к изменившейся индивидуальной ситуации на рынке труда. В условиях сложившегося дисбаланса между спросом и предложением, характеризующим современное состояние региональных рынков труда, а также ограниченных возможностей межтерриториальной трудовой мобильности, для большинства населения особое значение будут приобретать индивидуально избираемые стратегии выживания.

Поэтому экономисты и социологи обращают все больше внимания на необходимость дальнейшего анализа воздействия индивидуального опыта безработицы на социально-экономическое положение населения. В данной связи важными и информативными представляются исследования, проводящиеся на микроуровне, так как они дают более точное представление о вариативности индивидуальных реакций, характеризующих адаптивный потенциал человека, столкнувшегося с ощутимым обострением проблемы занятости и реальной необходимостью выживать в ситуации нарастающего экономического кризиса.

В последнее время рядом ведущих российских исследователей (В. Гимпельсоном, Л. Гордоном, В. Кабалиной, В. Космарским, В. Магуном, Л. Хахулиной, Е. Хибовской, Н. Чернотой, Т. Четверниной и др.) в этой области получены интересные результаты. Не ослабевает интерес к перспективам развития ситуации с безработицей в России и у западных ученых, которые совместно с российскими коллегами в последние годы осуществили несколько успешных проектов¹. Надо сказать, что результаты подобных исследований очень важны для понимания сущности и механизмов ряда социально-экономических процессов, протекающих в обществах трансформационного типа, для выработки приоритетов социальной политики, направленной на стимулирование и поддержку эффективных стратегий решения проблем занятости, применяемых населением как в рамках локальных рынков труда, так и на микроуровне.

Однако данная проблематика требует дальнейшего изучения. Ведь безработица в России связана не только со структурными изменениями в экономике или с недостаточным бюджетным финансированием ряда отраслей, но и с формированием нового

¹ Это "Барометр новой России" Р. Роуза, исследования российского рынка труда Международной организации труда под руководством Г. Стэндинга, анализ форм российской безработицы, проведенный Н. Мэннингом, изучение основных тенденций развития и реструктуризации занятости в России С. Кларком.

Д а в ы д о в а Надежда Марковна - научный сотрудник центра социально-экономических исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем.

рынка труда как неотъемлемой части рыночной конкурентной экономики. Становление рынка труда предполагает определенную подготовленность населения к деятельности в качестве самостоятельных агентов рынка. У людей в подобных условиях должен присутствовать навык самостоятельного поиска работы, представление о востребованности и стоимости своей рабочей силы, адекватное восприятие проблемы обострения собственной занятости и реальное видение основных перспектив решения этой проблемы. Речь идет о формировании у населения различных стратегий занятости, иногда становящихся стратегиями выживания, которые оно более или менее успешно использует в сложившейся ситуации.

Следует подчеркнуть, что на процесс формирования отмеченных стратегий влияют не только такие объективные характеристики, как отраслевая структура экономики и соотношение "спрос-предложение" на локальных рынках труда, историческое место региона проживания в общественном разделении труда, демографический и квалификационный потенциал рабочей силы и т.д., но и личностные качества людей, потерявших работу или оказавшихся в ситуации кризисной занятости. Речь идет о психологической готовности или неготовности к смене типа занятости в условиях перехода к рыночной экономике, чреватого периодическим обострением экономических кризисов и постоянной угрозой стабильности социально-экономического положения. Поэтому в данном случае адаптивный потенциал населения и возможности его проявления и развития играют крайне важную роль.

Гибкость адаптивного потенциала в целом будет определять относительную эффективность индивидуальных стратегий выживания, применяемых населением самостоятельно при решении возникающих проблем с работой и утратой стабильного дохода. Действовать многим придется в условиях ограниченности выбора, диктуемого состоянием рынков труда, и неясности перспектив, обусловленных в первую очередь отсутствием четко обозначенной стратегической государственной программы решения проблем занятости при обострении экономического кризиса.

При оценке эффективности индивидуальных стратегий, используемых населением в условиях угрозы потенциальной или реальной безработицы, необходим тщательный анализ особенностей положения, поведения и состава безработных и лиц с критической занятостью, многообразия форм их адаптации, а также динамики основных изменений, происходящих в жизни конкретного безработного человека на протяжении определенного временного отрезка. Именно поэтому наиболее методически оправданными здесь представляются лонгитюдные углубленные исследования, проводимые на малых выборках.

Подобное исследование, направленное на изучение вопросов занятости, безработицы, а также соответствующей социальной политики, было предпринято в рамках проведенного в 1995-1998 годах совместного российско-британского проекта "Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад. Занятость и социальная политика в России"². Исследование осуществлялось в нескольких крупных регионах России и охватывало представителей четырех подгрупп людей, оказавшихся в ситуации кризиса занятости (официальных безработных, предупрежденных об увольнении, находящихся в вынужденных неоплачиваемых отпусках и успешно трудоустроившихся после периода официальной безработицы). В ходе исследования, которое проводилось на микроуровне, был накоплен обширный эмпирический материал, позволяющий провести анализ используемых в настоящее время в крупных городах России стратегий занятости, оценить их сравнительную эффективность, выявить их роль в деле смягчения процессов неизбежной адаптации населения к переменам, вызванным рыночными реформами, экономическим кризисом и структурной перестройкой экономики. Основным методом исследования выступало лонгитюдное углубленное интервьюирование по типу панельного опроса с повторным интер-

² Руководители - профессор Н. Мэннинг, Великобритания, и профессор О. Шкаратан, Россия (INTAS 94-3725). Продолжение исследования стало возможным благодаря гранту для молодых ученых (INTAS 98-MO22).

выявлением респондентов спустя год для уточнения динамики их положения. Опрос осуществлялся на базе качественных, в основном формализованных интервью, продолжительностью не менее 2 часов. Еще раз подчеркну, что объектом интервьюирования выступали не только собственно безработные, но и лица с кризисной занятостью (частично или нестабильно занятые, предупрежденные об увольнении и т.п.).

Исследование дало возможность проанализировать особенности профессиональной карьеры лиц с критической занятостью, их потенциальные интересы на рынке труда, возможности для трудовой мобильности, имеющиеся в их распоряжении ресурсы, а также социальное самочувствие людей, стоящих перед угрозой реальной безработицы, их основные запросы и ожидания, включая выбор места на новом рынке труда, готовность к вынужденной смене специальности с учетом потребностей этого рынка, проблему переобучения. Все это позволило оценить степень активности социально-экономического поведения, самостоятельности безработного в поиске работы, его реальные и потенциальные адаптивные способности, готовность или неготовность что-либо менять в своем положении. В целом, результаты исследования несколько прояснили действительный характер и особенности российской безработицы (официальной, частичной, скрытой), однако анализ этой проблемы находится за пределами задач данной статьи. Здесь же основное внимание предполагается сосредоточить на вариативности реакций населения на угрозу оказаться без работы, а также на основных формах адаптации и динамике положения респондентов при обострении индивидуальной ситуации на рынке труда.

Динамика основных изменений статуса занятости у представителей "критических" групп на рынке труда

Лонгитюдное исследование осуществлялось в течение 1996-1997 годов в два этапа с интервалом 12-13 месяцев между опросами. Одной из основных методических задач было сохранение неизменности состава респондентов, отобранных на первом этапе опроса по принципу обострения их индивидуальной ситуации с занятостью и условно разделенных на четыре подгруппы. Общая выборка по двум городам исследования (Москве и Воронежу), на базе которой проведен анализ, включала 160 человек.

Респонденты из "кризисных" подгрупп находились на четырех различных стадиях безработицы или представляли собой четыре ее формы [1]. Существующие в российской статистике два метода оценки уровня безработицы общеизвестны. Один определяется Законом о занятости и предполагает регистрацию в качестве безработного необходимым критерием статистического учета, второй основывается на оценках Международной организации труда (МОТ), считающей безработными всех, кто не имеет работы, ищет ее и готов к ней приступить, даже если при этом и не зарегистрирован официально. Расхождения между этими показателями на сегодняшний день трехкратные. В данном случае я совершенно согласна с мнением Четверниной, которая определяющими характеристиками статуса безработного считает невозможность в определенный период использовать индивидуальный трудовой потенциал в той мере, в какой хотелось бы, и получать за это соответствующее вознаграждение [2, с. 226]. Исходя из такого толкования безработицы, в своем исследовании мы стремились проанализировать действительную, а не только статистическую ситуацию с безработицей в России. Именно поэтому применительно к нашим респондентам наряду с собственно безработицей более уместны были бы термины "обострение занятости" или "кризисная" занятость, что должно трактоваться как форма скрытой безработицы.

Своеобразный круг кризиса занятости с угрозой возможной безработицы прослеживался в исследовании, начиная с группы нестабильно занятых работников, находящихся в вынужденных неоплачиваемых отпусках или работающих сокращенное рабочее время по инициативе работодателя, далее через группу людей, получивших

формальное уведомление о сокращении штатов, которые впоследствии могли перетекать в группу официально зарегистрированных безработных, чтобы затем, успешно преодолев период вынужденной незанятости, найти работу, образовав группу трудоустроившихся после периода официальной безработицы. На первом этапе исследования 42 человека фактически испытывали состояние скрытой безработицы (25% респондентов-москвичей и 28% воронежцев на момент опроса 1996 года находились в длительных неоплачиваемых отпусках либо работали неполное рабочее время, при этом многие несколько месяцев подряд не получали заработную плату); 36 человек были официально предупреждены об увольнении (22% в Москве и 23% в Воронеже); 45 человек являлись официально зарегистрированными безработными (30% в Москве и 26% в Воронеже); наконец, оставшиеся 37 человек (по 23% в Москве и Воронеже) преодолели период официальной безработицы, успешно трудоустроившись.

Спустя год те же самые респонденты были опрошены повторно. Основной целью исследования на этом этапе являлось отслеживание динамики их положения и в первую очередь **изменений**, превзошедших в индивидуальной ситуации на рынке труда. Особый интерес представляла фактическая перегруппировка респондентов как в целом по массиву, так и внутри каждой из групп, а также факторы, предопределившие текущий статус занятости респондентов на втором этапе исследования. При этом учитывался тот факт, что возможности и шансы людей в период обострения их занятости в Москве как наиболее продвинутом в рыночном отношении регионе и в Воронеже, где структурные изменения в экономике и замедление темпов рыночных преобразований повлекли за собой большую напряженность на региональном рынке труда, будут определенным образом различаться.

Безусловно, в сложившейся ситуации выбор у населения разных российских регионов существенно варьируется, но анализ фактических предпочтений респондентов в выборе индивидуальных стратегий преодоления кризиса занятости помог бы понять, насколько в действительности дифференцированы или ограничены возможности каждого конкретного безработного россиянина на фоне объективных региональных различий. К тому же на определенных этапах (в частности в период экономических кризисов, подобных нынешнему) острота возникающих проблем с занятостью в некотором смысле нивелируется как для населения "успешных" рыночных регионов (например, Москвы, где до определенного времени преобладала потребность в кадрах любой квалификации превышала число безработных и преобладающими в выборе индивидуальных стратегий занятости становились субъективные факторы - активность в поиске работы, психологическая готовность, мобильность и т.п.), так и для менее "успешных", где широкомасштабная практика закрытия предприятий и массовые сокращения предопределили структурный характер местной безработицы, а выбор эффективных стратегий занятости ограничен объективно,

Какова же фактическая динамика статуса занятости респондентов из "кризисных" групп на рынке труда спустя год после первого этапа исследования? Об этом можно судить по данным таблицы 1. Они свидетельствуют о том, что трудовая мобильность у лиц с критической занятостью была достаточно высокой. Так, более 20% респондентов, имевших работу в 1996 году (либо нестабильно занятых, либо трудоустроившихся после официальной безработицы), год спустя сменили место работы. Это говорит в пользу того, что российский рынок труда, демонстрируя определенную "текучесть" кадров, все же дает возможность нового трудоустройства тем, кто остается за пределами опеки государственных служб и официально не регистрируется в качестве безработного [3].

Несомненно, предупрежденные об увольнении в 1996 году оказались более удачливы с точки зрения нового трудоустройства, чем официальные безработные. Только каждый четвертый из них год спустя оказался безработным, в то время как половина группы сумела найти работу и обострение их занятости не вылилось в застойную безработицу. Как видно из таблицы 1, ситуация в группе официально зарегистрированных безработных была, по сути, обратной.

Таблица 1

Динамика статуса занятости респондентов из "кризисных" групп на рынке труда (в %)

19% год	Ситуация 1997 года						
"Кризисная" группа	Безработные (МОТ)	Нашли или сменили работу	Работают на том же месте	Частично занятые (приработки, ИТД)	Самозанятые (малый бизнес)	Незанятые (пенсия, декрет, инвалидность)	Предупрежденные о сокращениях
Нестабильно	7	19	57	7	7	—	2
занятые							
Предупрежденные об увольнении	25	47	6	8	3	11	-
Официально	49	22	-	9	4	13	2
зарегистрированные безработные							
Трудоустроившиеся после официальной безработицы	5	24	43	8	8	6	6
Всего	23	27	27	8	6	7	2

Наконец, хотелось бы отметить, что у нестабильно занятых респондентов (в нашем понимании, скрытых безработных) ситуация сложилась заметно лучше, чем у безработных официальных, с той точки зрения, что только 7% из них год спустя оказались безработными *de facto*, а практически 60% сумели сохранить старое рабочее место. Однако каждый четвертый представитель этой группы на момент повторного опроса в 1997 году снова находился в неоплачиваемом отпуске, только треть респондентов вовремя и полностью получала заработную плату, а лишь каждый третий скрытый безработный 1996 года, давая самооценку ситуации с динамикой собственной занятости, признал, что год спустя он работает нормально. Так что подобный "успех" нестабильно занятых на фоне официальных безработных, скорее, относителен.

Тот факт, что (согласно результатам исследования) люди, оказавшиеся перед реальной угрозой потери работы или уже ее потерявшие, в течение года пытались наладить индивидуальную ситуацию с занятостью, а некоторые весьма в этом преуспели, трудоустроившись вновь, не должен вводить в заблуждение относительно действительного положения дел с безработицей в России. 23% всех респондентов из "кризисных" групп год спустя оказались безработными в терминологии МОТ (три четверти из них официально зарегистрированы, четверть - фактические безработные), в то время как еще 16-18% респондентов вполне могли бы быть признаны классическими скрытыми безработными (в 1997 году 5% представителей "кризисных" групп были нестабильно заняты на новом рабочем месте и еще 13% находились в вынужденном неоплачиваемом отпуске по старому месту работы). В то же время значительная часть нашей выборки (42% работающих респондентов) получали заработную плату частично и нерегулярно, а практически каждый десятый работающий на протяжении шести месяцев, предшествовавших повторному опросу, не получал ее совсем.

В целом, динамика статуса занятости и особенности перегруппировки респондентов позволяют сделать вывод, что большинство "критических" групп 1996 года на втором этапе исследования наполовину сохранило свое стабильное ядро. Так, 49% зарегистрированных безработных спустя год пребывали в этом же статусе, 57% нестабильно занятых и 43% успешно трудоустроившихся также заявили, что продолжают работать на старом месте. Мы уже знаем, что занятость скрытых безработных за-

частую сохраняла нестабильный характер, а успешно трудоустроившиеся в 1996 году в основном расценивали ее как нормальную. Безработными *de facto* имевшие работу представители "критических" групп становились крайне редко. На втором этапе исследования практически исчезла группа предупрежденных об увольнении. Однако появились группы самозанятых, частично занятых и незанятых, характеризуя собой реалии и тенденции развития российского рынка труда. Произошедшие в течение года изменения в статусе занятости респондентов и расширение спектра возможных объектов исследования, безусловно, представляют особый интерес, так как отражают вариативность индивидуальных стратегий занятости, применявшихся населением крупных городов.

Как уже отмечалось, наиболее динамичны и успешны в решении проблем с занятостью оказались те, кто был предупрежден о сокращении штатов на первом этапе исследования. Практически сразу после увольнения или по истечении небольшого временного интервала (известно, что первые три месяца после сокращения уволенный работник имеет право на получение 100% зарплаты по старому месту работы и многие принимают рациональное решение не начинать поиск работы немедленно), подавляющее большинство группы вновь трудоустроилось: половина респондентов сумела найти новую постоянную работу и каждый десятый предпочел частичную занятость (временные приработки) или самозанятость.

Эта ситуация качественно отлична от той, которую мы наблюдаем в группе официальных безработных, где половина респондентов по итогам второго этапа опроса испытывала состояние длительной безработицы. При этом результаты повторного опроса выявили, что свыше 40% тех, кто остался безработным, не имели работы уже более полутора лет, а каждый седьмой (14%) оказался хроническим безработным со стажем 2-5 лет. Правда, в последнем случае иногда более уместным стал бы термин "неработающий", поскольку, несмотря на то, что хронические безработные на определенном этапе использовали государственную службу занятости для решения своих материальных или иных проблем (например, проблему трудового стажа для последующего получения пенсии), об активной заинтересованности в немедленном поиске работы среди них мало кто заявлял. Однако и в этом случае подобное состояние для этих людей является скорее вынужденным, таким, которое Четвернина определила как "выталкивание разочарованных безработных" [2, с. 231], среди которых немало лиц с ограниченной трудоспособностью, тех, кто перешагнул 50-летний рубеж, "пенсионеров поневоле" и т.п. Это еще раз возвращает нас к проблеме скрытой безработицы, выражающейся в вынужденном падении экономической активности населения.

Полученные данные помогают пролить свет на действительное положение дел с уровнем безработицы в России. Если ее официальный статистический уровень в 1997 году исчислялся 3%, а оценки МОТ доходили до 9%, то наше исследование, проводившееся на микроуровне, выявило 5% хронических безработных и 10% длительно безработных, чья незанятость продолжалась более года. Фактически в соответствии с Законом о занятости, ограничивающим срок непрерывного состояния на учете после потери работы в службе занятости одним годом, эти респонденты должны исчезнуть из сферы опеки службы занятости (и из ее официальной статистики). И таким образом открытые безработные могут стать скрытыми.

Причины того, почему одни люди "застревают" в состоянии безработицы, а другие успешно решают проблемы собственной занятости, лежат как в объективной, так и в субъективной плоскостях. При всей значимости факторов, определяемых состоянием локальных рынков труда и преимущественным характером региональной безработицы, не думаю, что именно они стали определяющими в процессе выбора индивидуальных путей преодоления кризиса занятости респондентами из Москвы и Воронежа. Региональные различия динамики статуса занятости представителей "критических" групп на рынке труда в целом были не столь заметно дифференцированы, как это можно было бы предположить (см. табл. 2).

Статус занятости респондентов из "критических" групп на рынке труда на втором этапе исследования (регион, %)

Статус занятости в 1997 году	Москва	Воронеж	Всего
Безработный	20	27	23
Нашел работу или сменил работу	30	23	27
Работает на том же месте	24	30	27
Частично занят	7	10	8
Самозанят	5	7	6
Незанят	11	2	7
Предупрежден об увольнении	3	2	2

Действительно, в Москве до периода обострения российского социально-экономического кризиса отмечалось четко выраженное формирование выдающегося по масштабам и качеству современного рынка труда, объективный процесс падения промышленной занятости сопровождался незначительным падением общей занятости, а достаточно диверсифицированная экономика столицы освобождала ее население от массы проблем трудоустройства [4]. Объективные шансы и возможности должны были предопределить большую активность москвичей в ситуации кризиса собственной занятости, чем это могли позволить себе воронежцы. Если Москва до середины 1998 года в отличие от многих регионов практически не знала, что такое массовая структурная безработица (как в зарегистрированном, так и в скрытом ее варианте), то в Воронеже, с преобладающей долей предприятий ВПК и низкоконкурентных отраслей гражданского назначения в структуре местной промышленности, с замедленными темпами развития рыночной инфраструктуры и альтернативной экономики, заметным спадом производства и падением общей занятости, ситуация на рынке труда была заметно напряженнее. Проявлялось это главным образом в повсеместной практике неоплачиваемых отпусков, хронической задолженности по зарплате и неконтролируемому росту частичной занятости по инициативе работодателей, что классифицируется как скрытая безработица, получившая в Воронеже широкое распространение и являющаяся серьезным ограничителем выбора эффективных индивидуальных стратегий занятости.

Тем не менее основные региональные различия изменений статуса занятости между респондентами Москвы и Воронежа серьезно затронули только группу официальных безработных, где ситуация у воронежских клиентов службы занятости обернулась хуже, чем у их коллег из Москвы. Имеется в виду, что работу здесь найти удалось гораздо меньшему количеству респондентов, и, соответственно, больше воронежцев "застряли" в состоянии зарегистрированной безработицы. Что касается положения в других группах опрошенных, то здесь разница оказалась минимальной: порядка 20-25% работающих респондентов через год сменило работу независимо от места проживания (имеются в виду нестабильно занятые и трудоустроившиеся на первом этапе опроса), и практически половина сокращенных в 1996 году москвичей и воронежцев сумела в течение года найти новую постоянную работу.

При более предметном рассмотрении того, чем же отличались между собой группы "успешных" респондентов, сокращенных в 1996 году, и официальных безработных- "неудачников", бросается в глаза, что эти две группы критической занятости независимо от региона проживания существенно различались между собой по возрасту и профессионально-должностной принадлежности до того, как они потеряли работу. Так, если официальные и скрытые безработные в нашем исследовании в основной своей массе уже перешагнули 40-летний рубеж (60-70%), то предупрежденные о сокращении оказались заметно моложе безработных и нестабильно занятых респондентов (только 36% из них были старше 40 лет). Группа отличалась от общего

массива и тем, что гораздо шире в ней были представлены женщины. Это вполне соотносилось с текущей российской тенденцией первоочередного высвобождения женского труда в период структурной перестройки экономики. Кроме того, это были в основном служащие-неспециалисты, занятые на должностях, не требующих высокого уровня квалификации. Число высвобождаемых служащих (разного квалификационного уровня, но чаще - низкого) превышало долю представителей этой профессиональной категории в общем массиве и составляло 40% опрошенных, попавших под сокращение, что в два раза превышало показатели официальных и почти в три - скрытых безработных. В результате профессиональный состав группы явно отставал по количеству высококвалифицированных специалистов как умственного, так и физического труда от структуры других категорий, столкнувшихся с обострением занятости (здесь отмечалось в полтора раза меньше работников-специалистов, занятых на должностях, требующих высшего образования, руководителей различных уровней, практически не была представлена сфера науки и т.д.).

Если проследить, как именно шло трудоустройство, то можно заметить, что большинство нашедших постоянную работу в 1997 году оказалось задействовано в основном как служащие-неспециалисты (до половины всех трудоустроившихся или сменивших работу) или же заполнило рабочие вакансии, не требующие высокой квалификации и преимущественно предлагающие труд физического характера. В то же время подавляющее большинство оставшихся безработными заявляло, что до потери работы они были заняты как специалисты и на понижение социального статуса ни в коем случае не согласны.

Анализ основных потоков высвобождения и найма рабочей силы, предпринятый в рамках нашего исследования, свидетельствует, что рынок труда помимо объективного сокращения занятости, характеризующегося оттоком достаточно квалифицированных специалистов из низкоконкурентных умирающих отраслей промышленности и; ВПК, освобождается от излишней, малоквалифицированной рабочей силы, задействованной в перспективно развивающихся отраслях непродуцированной сферы (как правило, сфере услуг и торговле). В связи с этим надо различать два потока ведущихся сокращений: высвобождаются те, чья невостребованность обусловлена структурно-регрессивным спадом производства, а также те, чей низкий ресурсно-квалификационный потенциал не отвечает требованиям работодателя в условиях

Таким образом, динамика статуса занятости наших респондентов позволяет сделать вывод: успешность нового трудоустройства в период обострения занятости в настоящее время больше связана с текучестью рынка труда, чем с появлением или созданием новых рабочих мест. Именно поэтому потоки сокращаемых и нанимаемых работников частично совпадают (среди нашедших работу в 1997 году так же, как и среди тех, кто был сокращен в 1996-м, преобладали женщины-служащие). Наниматель предпочитает тех претендентов на новое рабочее место, кто готов лучше работать. Недаром вакансии служащих-неспециалистов заняли респонденты, имеющие специальное образование и согласившиеся пойти на понижение социального статуса. Поэтому успешность трудоустройства предопределялась в данном случае не столько объективными характеристиками претендента на вакансию (может быть, за исключением возраста) или состоянием рынка труда в целом, сколько субъективной готовностью человека в период обострения ситуации с собственной занятостью занять любое освободившееся рабочее место и быть готовым трудиться с максимальной отдачей.

Хотя на новом месте работы квалификационный потенциал наших респондентов не всегда используется полностью, только один из пяти трудоустроившихся заявил, что неудовлетворен полученной работой, ссылаясь на то, что сложная материальная ситуация в семье и отсутствие других кормильцев вынудили его заняться неквалифицированным физическим трудом или выполнять непривычные для себя функции. Подавляющее же большинство преодолевших период безработицы и вновь трудо-

устроившихся своим положением остались довольны, при всех отмеченных минусах полученная работа их устраивала. Для сравнения: среди тех, кто год спустя продолжал трудиться на старом рабочем месте (а там было немало скрытых безработных), людей, не удовлетворенных своей работой, было в два раза больше, чем среди вновь трудоустроившихся.

Следует обратить внимание, что помимо традиционной стратегии решения проблем занятости, - поиска нового места, представители "кризисных" групп на рынке труда широко использовали такие формы, как самозанятость (открытие собственного дела, мелкое предпринимательство), частичную занятость (регулярные приработки, индивидуальная трудовая деятельность, продажа излишков с садово-огородных участков) и добровольную незанятость. Последнее становилось возможным в том случае, если семья имела достаточно работающих либо если респонденту удавалось через посредничество государственной службы занятости оформить досрочную пенсию (не так давно эта практика была отменена специальной инструкцией). Иногда ставка на незанятость делалась сознательно, но чаще люди вынужденно ограничивали трудовую активность, разочаровавшись в возможности решить свои проблемы и найти эффективную стратегию лично для себя. Многие при этом были ограничены рамками возраста, состоянием здоровья, семейной нагрузкой. В нашем исследовании стратегия добровольной незанятости больше проявила себя в Москве, чем в Воронеже.

Что касается приработков и самозанятости (а это - выражение той самой неформальной занятости, которая в российских условиях гораздо выше учитываемой), то за 2 года исследования нами была отмечена четкая тенденция роста значимости данных стратегий выживания в условиях обострения занятости формальной. Недаром помимо тех, кто избрал эти стратегии как наиболее эффективные (а это 12% москвичей и 17% воронежцев, или каждый седьмой в среднем по массиву), многие скрытые безработные (как правило, мужчины), продолжая сохранять за собой старое рабочее место, использовали возможности приработков в качестве дополнительного источника существования. Безусловно, именно такие стратегии выживания — стихийно избираемые, нигде не регистрируемые, как принято говорить, "теневые" - становятся неформальной стратегией занятости и людей, продолжающих числиться официальными безработными. Так, по данным нашего исследования, пятая часть респондентов, зарегистрированных в службе занятости, в 1997 году в действительности была частично занята или самозанята. Более того, два официальных безработных имели формальную оплачиваемую работу, продолжая получать при этом пособие по безработице. Думается, и в дальнейшем в том или ином виде неформальная занятость будет концентрироваться среди российских официальных и скрытых безработных, становясь для них пусть нефиксируемой, но самостоятельно избираемой стратегией занятости при ограничении возможностей использования каких-либо других стратегий.

Место и роль государственной службы занятости в преодолении человеком кризисной ситуации на рынке труда

Оказавшись в кризисной ситуации на рынке труда и перед непосредственной угрозой стабильной занятости, человек возлагает определенные надежды на государственные службы, призванные решать подобные проблемы. Характер государственной политики занятости, определенный текущим законодательством, рассчитан на активность безработного и сотрудников социальных служб в решении проблемы скорейшего трудоустройства клиента, обратившегося в службу. Как же складываются взаимоотношения службы занятости - основного проводника провозглашаемой политики, и их основных клиентов - людей, потерявших работу? Какова эффективность тех стратегий трудоустройства, которые предлагаются на этапе официальной регистрации статуса безработного?

Успешные способы трудоустройства, примененные представителями "критических" групп на рынке труда (в % от трудоустроившихся)

Каким образом Вам удалось найти работу в 1997 году?	Москва	Воронеж	Всего
Направили от службы занятости	14	29	22
Посоветовали друзья	35	43	39
Нашел работу самостоятельно	52	27	39

По данным нашего исследования, свыше трети респондентов, оказавшихся в ситуации реальной или потенциальной угрозы стабильной занятости, решили возникшую проблему: они нашли новую работу либо пополнили ряды самозанятых или частично занятых. Последние две стратегии, как уже говорилось, избираются и осуществляются самостоятельно, нас же здесь интересует роль государственной службы занятости (ГСЗ) в реальном трудоустройстве тех, кто нашел или сменил постоянную работу. Об этом говорят данные таблицы 3. Они показывают, что эффективность трудоустройства через посредничество ГСЗ заметно проигрывает иным путям: собственной активности ищущего работу и протекции. Можно сказать, что деятельность службы в этом направлении в два раза реже приводит к успеху. Значит ли это, что, избирая возможные стратегии занятости, человек в ситуации потери работы должен заранее отодвигать на второй план помощь, предлагаемую государственной службой, как менее эффективную?

При детальном рассмотрении взаимоотношений чиновников, с одной стороны, и безработного - с другой, обнаруживается некий конфликт взаимных ожиданий. Смысл политики занятости работники ГСЗ в основном видят в том, что люди должны стремиться работать. В условиях меняющегося рынка труда их задача - всеми способами стимулировать человека к самостоятельным поискам своего места на этом рынке. Однако нынешнее состояние рынка труда и общее положение дел в российской экономике едва ли позволяют службе занятости при ограниченности спроса на рабочую силу и некоторых особенностях контингента, с которым приходится иметь дело, создавать все необходимые как для работника, так и для работодателя условия для возвращения людей к трудовой деятельности. И без того сложная ситуация с вакантными рабочими местами в условиях экономического кризиса все более обостряется, ухудшается их качество. Данные же не только нашего исследования, но и ряда других свидетельствуют, что подавляющее большинство безработных пока плохо представляет себе, в роли объектов какой именно политики занятости они предпочитают находиться, удовлетворяясь чисто компенсаторной функцией ГСЗ.

Отвечая на вопрос "Почему вы собираетесь зарегистрироваться в государственной службе занятости в случае, если потеряете работу?", 70% респондентов заявило, что нуждается в пособии по безработице, и только 40% были уверены, что служба занятости найдет им новую работу. Кроме того, каждый третий опрошенный представитель "кризисных" групп на рынке труда склонялся к тому, чтобы вообще не обращаться в ГСЗ в ситуации обострения занятости, будучи уверенным, что эта служба создана для тех, кто не в состоянии позаботиться о себе сам, и при этом совсем не помогает найти работу. Вдобавок не возлагавшие лишних надежд на службу занятости респонденты указали, что приработки дадут больше денег, чем пособие по безработице, поскольку получение пособия - "много мороки из-за маленькой суммы денег".

Таким образом, материальные стимулы использования услуг ГСЗ у безработных все-таки преобладали над стремлением получить работу. И даже декларируя свое активное желание скорейшего трудоустройства, люди ждали от ГСЗ в первую

очередь какой-то компенсации утраченного дохода через пособие по безработице. Заметим, что этот факт некоторым образом отодвигает ГСЗ из сферы стратегий занятости и приближает ее к стратегиям выживания, используемым людьми в кризисной ситуации.

Исходя из этого, конфликт ожиданий и восприятие друг друга у социальных работников и их клиентов продолжают обостряться. Как показывает мониторинг безработных, проводимый воронежским Центром занятости, происходит все более резкое разграничение обратившихся в службу на две группы: социально активных и пассивных, причем среди последних все больше потерявших веру в себя и в возможности найти работу. Очень тревожит социальных работников, что распространенным стало увеличение среди пассивной части безработных доли явных иждивенцев общества, приходящих в службу занятости, как в "собес" - переждать трудные времена, отсидеться, не работая, да еще с денежным пособием. У работников госслужбы в последнее время появился даже специальный термин "скрытая занятость". По словам руководителя регионального Центра занятости Воронежа, "не следует уже так много говорить о российской скрытой безработице, пора привлечь внимание к громадной скрытой занятости, которая уходит от налогов. Ее опасность именно в том и состоит, что она позволяет человеку утаивать доходы, да еще и жить за счет социальных служб". По мнению сотрудников госслужбы, "законодательство о занятости не может служить надежным заслоном на пути ловкачей такого рода и расходы службы на пассивную политику из-за этого все время возрастают"³.

Хотя социальные работники в один голос утверждают, что этой практике пора положить конец, более четко определившись на государственном уровне, кого следует считать безработным, и ужесточив условия получения пособий по безработице, у этой медали есть и своя оборотная сторона. По мнению другого директора филиала ГСЗ, люди приспособляются, чтобы выжить. Безработный, направляемый службой на предприятие с целью трудоустройства, узнает о регулярных задержках зарплаты, поэтому интерес к данному месту работы у него мгновенно утрачивается. Таким образом, размер и регулярность пособия по безработице не стимулируют людей к выходу на работу, особенно на фоне застоя в экономике и задержек зарплат. Это мнение в той или иной форме мы слышали от многих должностных лиц.

Не следует забывать еще об одном: длительная безработица ведет к тому, что начинается процесс занижения своих возможностей, падает уровень притязаний и, соответственно, человек сам накладывает на себя некую печать. Как показывают данные мониторинга воронежской Лаборатории социально-экономического прогнозирования, свыше 55% безработных нуждаются в социально-психологической реабилитации. Характерно, что равными по значимости для себя проблемами безработные считают как материальные, так и психологические⁴.

Адаптация россиян к ситуации резкого обострения индивидуальной ситуации на рынке труда идет очень тяжело, патерналистский подход, воспитываемый десятилетиями, не может исчезнуть столь быстро. К тому же сама методика работы российской ГСЗ с безработными, опирающаяся в основе своей на опыт советских бюро по трудоустройству населения в условиях отсутствия реальной безработицы, требует серьезного совершенствования, чтобы из "собеса" превратиться в ресурс выживания людей и обеспечения их занятости. Поэтому более оправданной здесь была бы позиция не жесткости, а компромисса.

³ Эмпирический материал получен в ходе двухлетнего исследования в ГСЗ Воронежской области, включавшего интервьюирование сотрудников служб, анализ социологических и статистических материалов.

⁴ Об этом говорилось, в частности, в докладе "Итоги работы службы занятости в 1996 году и задачи на 1997 год" на коллегии Областного центра занятости населения Воронежской области 26 февраля 1997 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мэннинг Н.* Социальная политика, рынки труда, безработица и семья в России // Мир России. 1998. № 1-2. С. 80-82.
2. *Четвернина Т.Я.* Формы и особенности скрытой безработицы в России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
3. *Тихонова Н.Е.* Российские безработные: штрихи к портрету//Мир России. 1998. № 1-2.
4. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Постсоветское пространство России // Мир России. 1996. №2.

© Н.Давыдова, 1999